
ЯВЛЕНИЕ ТАБУИРОВАНИЯ В НАРОДНОМ МЫШЛЕНИИ И ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

И.В. Пенюкова

Кафедра теории и истории русского языка
Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского
ул. Бежицкая, 14, Брянск, Россия, 241037

В статье на материале лексики юго-западных говоров Брянщины исследуются процессы табуирования в сфере лексики народной медицины. Автор придерживается убеждения, что очень многие научно-медицинские термины восходят к народным истоками и это находит свое подтверждение в исследовании фактического материала данной тематической группы.

Ключевые слова: медицинская лексика, тематическая группа, процесс табуирования, русские говоры, процесс языкового развития, полисемия, омонимия.

Целью нашей статьи является исследование процесса табуирования в лексике народной медицины на материале говоров юго-западных районов Брянской области. В связи с трудностями, связанными с необходимостью в процессе исследования сочетать знание данных языка со знанием научно-медицинских данных, этот процесс и сегодня остается практически не изученным. Между тем актуальность его изучения несомненна, поскольку многие научно-медицинские термины восходят к своим народным аналогам, образование которых, в свою очередь, произошло в глубокой древности, нередко путем наложения запретов и ограничений, являвшихся следствием суеверия, мифического мировосприятия. В нашей статье мы постарались показать действие табу в языке, его влияние как на формальную, так и на семантическую структуру слова.

Явление табуирования фундаментально для развития цивилизации. Ощущая свою незащищенность перед миром, человек выработал систему запретов и антизапретов, основой которой послужил страх перед непознанным. Само возникновение слова произошло, возможно, путем сложения магических формул — нацарапанных на дереве, камне или коже мистических знаков, которые особым образом озвучивались (в представлении древних звук-разящие оружие божества) и со временем, в процессе развития, принимали форму слов. Приписываемая звуку магическая сущность, вероятно, зависела от силы его магической энергии, которая, в свою очередь, определялась местоположением звука в слове. Слово рассматривалось как сакральная формула, начальные и конечные элементы которой символизировали священные узлы жизни и смерти. Постепенно утрачивая свою сакральность, эти элементы превратились в формальные кодовые показатели распределения энергии внутри слова [7. С. 270—278]. Один и тот же звук, по представлениям древних, обладал различной магической силой, в зависимости от местонахождения его в начале или в конце формирующегося слова. Возможно, этим объясняется происхождение табуирования, которое якобы защищает человека от злого

воздействия. Это достигалось путем перестановки начальных и конечных элементов слова. Такой перестановке нередко сопутствовало возникновение у получавшейся формы противоположного значения.

Понятие болезни, восходящее к глубокой древности, довольно часто табуировалось. Чем древнее и однотипнее в различных языках название того или иного заболевания, тем более, на наш взгляд, у исследователя оснований считать, что изучаемое слово образовано посредством табуирования.

А.Н. Афанасьев полагал, что болезни «...рассматривались нашими предками как спутницы и помощницы Смерти», а повальные и заразительные болезни прямо признавались за самую смерть, которая выступала в качестве древнейшей богини [2. С. 943]. Поскольку понятие болезни, особенно на раннем этапе развития человечества, было тесно связано с понятиями смерти, являвшейся продолжением жизни, и также жизни, считавшейся продолжением смерти, оно, в силу суеверия, табуировалось наравне с последними. Табуирование названия болезни было вызвано стремлением избежать прямого наименования недуга, из-за боязни «накликать» беду, позвать ее к себе.

В древности в качестве эвфемизма для понятия болезни часто выступало понятие «родить, рождение». Эти процессы еще и сейчас наблюдаются в современных русских говорах, например: *родимец* в значении общего названия для заболеваний новорожденных и *родимчик* — в значении «эпилепсия», «судороги», табуируются понятием «родить». Объяснение табуированию через рождение находим опять-таки у А.Н. Афанасьева. Рассуждая о почитании усопших у славян и некоторых других европейских народов, исследователь приводит форму *родимец* — «паралич», связывая ее с понятием *рода* — духа, божества потустороннего мира. Сравните также у В.И. Даля: *род* — «дедушка», «хозяин», «домовой» [6. IV: С. 10]. С последним связаны и языческие представления славян о роженицах — богинях, которые от рождения определяют человеку судьбу, начало и конец его жизни. Славянским роженицам, согласно А.Н. Афанасьеву, соответствуют греческие мойры, римские парки, германские норны. Интересно, что у славян в данном случае звучит мысль о начале жизни человека, тогда как европейские варианты образовались от корня *-mor-, -mar-* — «умирать» (у римлян их первоначальное название *morta*). Ученый делает вывод, что «души покойников роднились у славян с теми стихийными духами, стрелы которых наносят человеку параличный удар. Подобно тому, как германские племена ту же самую болезнь приписывали влиянию эльфов, а этих последних отождествляли с тенями усопших» [2. С. 955—1105]. В связи с этим можно указать на древнеанглийское *ord* — «острие», «копье» и английское диалектное *rote* — «царапать», о чем убедительно пишет М.М. Маковский в работе «Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике.» [8. С. 164]. Не менее любопытно отмеченное В.И. Далем диалектное вологодское *ord* — «привидение», «тень», «призрак покойника» [6. II: С. 690], которое, по версии П.Я. Черных, восходит к др.-русс. *родъ* [13. II: С. 118—119]. Можно предположить, что указанная вологодская форма возникла вследствие вторичного табуирования. В церковнославян-

ском языке М. Фасмер находит слово *rod* в значении «преисподняя» [12. III: С. 491]. В этой связи представляется интересным сближение П.Я. Черных русс. *родник* — «водяная струя, бьющая из-под земли» с др.-русс. *родище* — «источник» [13. II: С. 118—119]. Видимо, раннеславянское сознание наиболее древних представителей своего пантеона богов изначально помещало в недра земли. Отчасти это подтверждается и формой *родимец* — «черт» (диал. табуистическое название, букв. «родимый») [12, III: С. 491]. Это говорит об отождествлении болезни непосредственно со злым духом, о наличии у древнего человека представления о болезни как о божьей каре. Еще Гомер приписывал тяжкие недуги прикосновению злого демона. У А.Н. Афанасьева это подтверждается славянскими: *bogine* — оспа, *boza gapa* — язва, чума [2. С. 943].

Отношения к болезни как к наказанию свыше и сегодня бытует в среде носителей местных говоров. В частности, в селе Новое Место Брянской области в ходе экспедиции, проведенной нами в 2007 г., от К.Н. Выкачко, 68 лет, было услышано: //Я уся бальная, то мяне бог наказу'е//. Об этом же красноречиво свидетельствуют и другие показания языка. Так, слово *чёмер* — «чёрт», отмечаемое у В.И. Даля [6. IV: С. 589], близко к брянским: *че'мер* — боль в животе, от которой часто умирают, аппендицит и *че'мер* — припадок у детей: //Бьется дитя — чемерный. Када синеють и падають — это чемерные дети.//. В донских говорах *чемер* — 1) грыжа. 2) эпилептический удар [3. С. 573]. Кроме того, согласно В.И. Далю, слово *чемер* может также означать головную боль. В других языках также значение связано нередко с болезнью: болг. *чемер* — яд; сербохорв. *чемер* — яд, гнев, но и скорбь; словен. *semer* — яд, желчь, гной, гнев; чеш. *semer* — сыпь; словц. *semer* — опухоль, сгусток крови; др-польск. *czemier* — чемерица; лтш. *semerins* — чемерица; д.-в.-н. *hemera*, нов.-в.-н. диал. *hemern* — чемерица; греч. «хамарос» — растение *Delphinium* [12. III: С. 331]. *Delphinium* — лат. дельфиниум шпажник, прострел — имеет ядовитый корень (1). Позволим себе предположить: поскольку многие из значений слова *чемер* в различных языках соответствуют описанию проявлений пищевого отравления (головная боль, боль в животе, судороги с потерей сознания [11. I: С. 318—328]), видимо, изначально данное слово выступало названием определенного ядовитого растения, которое могли по ошибке употребить в пищу и заболеть. Древнее отождествление с болезнью мифического злого божества могло перейти и на конкретное растение, вплоть до почитания этого растения за само божество либо за нечто, относящееся к нему, божеству принадлежащее. Таким образом, понятия «злой дух» — «болезнь» — «растение» в раннем сознании как бы сливались в единый образ и, обозначаясь одним словом, одновременно подвергались древнейшему табуированию: *semer с экспрессивной приставкой **se-* от и.-е. *mer — «горький» [12. III: С. 332]. Поскольку древнее мышление было преимущественно образным, его мифотворчество подобно крови, циркулирующей по сосудам, в «теле» раннего мировосприятия, без которой невозможно само наличие жизни. В более поздний период благодаря метонимическому переносу слово *че'мер* стало употребляться для обозначения отдельных проявлений отравления чем-либо, в дальнейшем же, когда утрати-

лась связь с первоначальным заболеванием — пищевым отравлением, эти метонимические названия симптомов как бы «переросли» сами себя. Оставаясь по своей сути симптомами, на сегодня в лексике народной медицины они выступают как названия самостоятельных заболеваний, различных по проявлениям.

Чаще всего табуирование названий болезней и сопутствующих им состояний, фиксируемое в местных говорах, осуществляется посредством метафоризации. И по сей день носители местного диалекта сознательно избегают прямого наименования того или иного заболевания, при этом четко осознавая его «настоящее», научное название: *падучая, чёрная, черная болезнь* — эпилепсия, где эвфемизмы «падучая», «черная» являются «разрешенными словами», употребляемыми вместо запрещенного. Описание физического состояния человека в момент болезни также подвергается эвфемизации. Например, слова *слечь* и *свалиться* употребляются носителями диалекта в значении «заболеть». Путь их образования — метонимический перенос (болеющий человек чаще всего лежит).

В качестве эвфемизма для обозначения заболевания, особенно заболевания нервной системы, в говорах может выступать слово *удар*. Интересно, что у В.И. Даля «удар» одним из своих значений имеет «болезнь» [6. IV: С. 472], тогда как в наших говорах, напротив, мы наблюдаем в первую очередь акцентирование обозначения болезни (паралича, инсульта) как удара. Так, в Новозыбковском районе Брянск. обл. нами было записано: //Усё в деревне ругаются/шоб тябя удар вдарив. Это значит паралич, парализаця. В аснавном это ат-злости//. Такое понимание заболевания, по нашим представлениям, восходит к весьма древним временам, когда те болезни, которые наиболее часто возникали и характеризовались быстрым развитием симптомов, воспринималась как Божье наказание. Кроме того, болезнь, вероятно, изначально ассоциировалась с получением раны в бою, т.к. это был наиболее частый путь приобретения болезни. В исследуемых говорах вообще «пожелание» испытать удар синонимично пожеланию болезни: //Да шоб табя уже вдарило!!!. В единичных случаях мы наблюдали остатки верований в то, что этот «удар» — воздействие злых духов, наказание за грехи. Согласно А.Н. Афанасьеву, верование в то, что болезнь есть дело враждебного существа, злого духа, встречается у всех индоевропейских народов. Предание дает этим существам божий бич и стрелы, а телесные страдания рассматривает как следствие от укола или удара их оружия. Им же было отмечено, что у чехов головная боль называется *strily*, а на Руси *сибирской язве* соответствует название *змеиный прострел*, также как выражение *разбит параличом* может заменяться выражением *его прострелило* [2. С. 946, 952]. В этой связи интересно русское *простре'л* — «острая боль, ломота и колотье в пояснице» [9. С. 622] и украинское *пристрі'т* — «болезнь, происходящая, по понятиям народа, от дурной встречи, сглаз» [5. III: С. 442]. Отголоски мотивации возникновения подобных воззрений, вероятно, лежат в области остатков языческих верований, восходящих, возможно, к значению «разряд молнии — гнев божества, Перуна». Носителями диалекта считается, в частности, что колдовство может заключаться в оставленных на дороге колющих предметах, вещах, которые нельзя поднимать, наступать на них: в противном слу-

чае человек, тем или иным образом первым к ним прикоснувшийся, обязательно заболит: //Паднимать ничёго няльзя, асобенно булауки, никакие ни-иголки, колющее асобенно/ни ножницы/ни нажи.//Это как молния колет, так и это плохо?//Да, да!!! (с. Новое Место, Новозыбк. р-на).

Не менее интересно для рассмотрения диалектное *напасть* в значении «болезнь». Как существительное ж.р., «напасть» входит в синонимический ряд «беда: горе, бедствие, бездолье, злополучие, катастрофа, несчастье, напасть, невзгода, невзгодье, безвременье, неприятность, злослучение, неудача, затруднение, испытание, пагуба, гибель» [1. С. 34]. У В.И. Даля «напасть» — беда, бедствие, несчастье, злыдни, нападки судьбы, рока [6. III: С. 446]. На наш взгляд, для данного слова, вероятно, первично значение действия — т.е. глагольная форма (ср. нападать: травить, атаковать, обижать) [1. С. 316]. Однако в говорах и, видимо, достаточно давно, от обозначения напасти — «беды» образовалась отсутствующая в литературном языке, употребляемая в качестве эвфемизма форма *напасть* — «болезнь», поскольку в древности болезнь воспринималась как нападение злых сил, действующих против человека [2. С. 952].

Нами было замечено, что в некоторых селах носители диалекта слово «болезнь» заменяют словом *напуценка*. Это связано с представлениями о болезни как о следствии злого воздействия, колдовства, «напущения».

Повсеместно распространена эвфемизация понятия болезни словом *порча*. В среде носителей местного диалекта считается, что часто либо длительно болеющего человека «спортили». Отголоски мотивации подобного употребления лежат в области верований в возможность злого воздействия со стороны потусторонних сил, враждебных человеку. Согласно А.Н. Афанасьеву, существуют общероссийские представления о девах судьбы, которые с момента рождения ребенка начинают прясть нить его жизни, а по некоторым верованиям — ткать человеку посмертную сорочку (саван). Представления о сорочке смешиваются с не менее древним представлением о телесной одежде, облакающей душу со дня рождения по день смерти человека. Одна из дев периодически портит работу своих сестер (путает нить, портит холст), отчего смертного на земле постигают неудачи и болезни. Сходное воздействие приписывается и *бабкам*, *волхвичкам* как носителям обрядового, запретного знания, доступного лишь посвященным. См. др.-русс. *волхв* — волшебник, словен. *volhva* — гадалка [12]. См. также *шептуха* — колдунья [2].

Омонимичное литературному языку слово *бабка* повсеместно в брянских говорах отмечается в значении «целительница». Ср., напр. в.-луж. *вава* — акушерка, н.-луж. *вавка* — акушерка, а также польск. *вавка* — повивальная бабка [10. С. 62]. В этой связи интересен глагол *бабкать* — нашептывать, ворожить [2. С. 1096], а также отмеченный в Брянском областном словаре глагол *бабить* — лечить [4. С. 18]. Употребление данного эвфемизма обычно бывает вызвано боязнью соприкоснуться со злом, колдовством. Впрочем, иногда его используют, желая скрыть истинное занятие человека, которое, как правило, крайне негативно воспринимается обществом. Согласно представлению носителей диалекта, *бабка* — собирательный образ. В большинстве случаев *бабкой* называют народную

целительницу, врачующую природными средствами (травами, минералами) или же словом (заговорами — «молитвами»). Часто она воспринимается народным сознанием как «лекарша», а не «ворожея». Это же слово, однако, может обозначать и связанную с потусторонними силами ворожею, колдунью, чьи действия отрицательно влияют на человека.

Табуирование как явление, несомненно, присутствует и в профессиональной медицинской лексике. Это, однако, особый вид табуирования, обусловленный желанием щадить больного, сохранять у него надежду на выздоровление. В то же время оно учитывает необходимость донесения информации о тяжести состояния пациента до другого врача. При таком табуировании нередко используются латинские термины, которые, часто являясь переводом на латынь русского названия болезни, будучи совершенно точно понимаемы в профессиональной среде, выступают в роли незаметных для пациента эвфемизмов. Примерами подобной эвфимизации служат профессионализмы: *канцер* (лат.), *тумор* (лат. «опухоль»), а также *заболевание*, *вариант*, *образование* — в значении «рак»; *люес* — в значении «сифилис», *синдром приобретенного иммунодефицита* — «СПИД». В роли эвфемизмов выступают также аббревиатуры: *tbs* — «туберкулез» (из латыни), *Bl* — «рак» (от лат. «бластома»), *abs* — обозначение отсутствия чего-либо (из англ.), *mts* «метастаз» (из латыни). Табуирование с целью сокрытия информации используется также при описании тяжести состояния больного: *агравация* — «симуляция болезни»; *возможность летального исхода* — «возможность смерти пациента»; *кахексия* — «истощение».

Научно-медицинская терминология не избежала проникновения в нее отдельных табуистических образований из сферы народно-медицинской лексики. Так, слово «лихорадка» — повышение температуры тела до высоких цифр (дословно «рада лиху»), являясь следствием табуирования, активно употребляется в учебной, научной медицинской литературе для обозначения гипертермии.

Явление табуирования, базисное для развития человечества, способствовало возникновению мифического мировосприятия, появлению «секретных» слов, установлению первичных закономерностей, причин и следствий в развитии языка. Кроме того, рассмотренный материал позволяет говорить о тесных и сложных взаимодействиях между славянскими (и не только) языками. В ходе культурного и языкового развития происходило изменение сфер употребления слов, а также изменение их семантической структуры, базирующейся на полисемии слова. Все это способствовало укреплению древнего образного мышления, возникновению эвфемизмов. Явление табуирования присутствует и в современной лексике, обеспечивая одновременно как необходимость сокрытия, так и необходимость быстрого донесения информации (см. напр. *агравация* — «симуляция болезни») или же будучи следствием древнего словообразования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Благодарим преподавателя Елецкого университета им. И.А. Бунина Ю.Ю. Савину за предоставленную информацию о растении *Delphinium*.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — М.: Русские словари: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006.
- [2] *Афанасьев А.Н.* Славянская мифология. Поэтические воззрения славян на природу. — М.: Эксмо: Митгард. — СПб., 2008.
- [3] Большой толковый словарь донского казачества. — М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003.
- [4] *Голованевский А.Л., Курганская Н.И.* Брянский областной словарь. — Брянск: БГУ им. акад. И.Г. Петровского, 2007.
- [5] *Гринченко Б.Д.* Словарь української мови. — Київ, 1958.
- [6] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. — М.: Русский язык Медиа, 2003.
- [7] *Маковский М.М.* Болезнь // Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. — М.: URSS, 2005.
- [8] *Маковский М.М.* Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. — М.: URSS, 2005.
- [9] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. — М., 1999.
- [10] *Розвадовская М.Ф.* Польско-русский словарь. — М., 1963.
- [11] Справочник практического врача: В 2-х томах. — М.: Медицина, 1990.
- [12] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х томах. — М.: Астрель, 2003.
- [13] *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х томах. — М.: Русский язык, Медиа, 2007.

THE PROBLEM OF VETO PROCESSES IN FOLK MENTHALITY AND DIALECT SPEECH

I.V. Penyukova

Department of the theory and history of the Russian language
Bryansk State University
Bezchickaya str., 14, Bryansk, Russia, 241037

This article deals with veto processes (forbidden words) in the vocabulary of folk medicine on the basis of phonetic corpus of south-western patois of Bryansk region. The author is convinced that many scientific medical terms trace back to folk sources, and this fact is confirmed in the conducted research of the material of this thematic group.

Key words: medical vocabulary, topical group, veto processes, Russian dialects, language development, polysemy, homonymy.